

(нет и книги копий 1707 г.). В фонде 83 подлинников писем, полученных А.Д. Меншиковым в 1706 г., по сравнению с предыдущими годами, сохранилось очень мало. Например, там нет ни одного оригинала письма петербургского обер-коменданта Романа Вилимовича Брюса за 1706 г. В 1703–1706 гг. Р.В. Брюс занимался строительством Петербургской крепости и организацией обороны Санкт-Петербурга. Он часто докладывал петербургскому губернатору А.Д. Меншикову о ходе работ. Нередко интервал между отправкой его писем составлял меньше недели. Последнее письмо Р.В. Брюса, подлинник которого отложился в фонде 83, датировано 30 июля 1704 г. (Там же. Ф. 83. Оп. 1. № 360). Письма обер-коменданта из Санкт-Петербурга и Нарвы в 1705 г. сохранились только в виде копий (Там же. Оп. 2. № 2; Ф. 36. Оп. 1. № 694) или выписок (Там же. Ф. 83. Оп. 1. № 7806).

Таким образом, рукописные сборники из собрания Воронцова являются важными источниками для изучения истории России Петровской эпохи. Эти материалы привлекут внимание исследователей, занимающихся реконструкцией архива А.Д. Меншикова и анализом переписки светлейшего князя.

*Д.В. Байдуж, к.и.н., доц.
Тюменский ГУ*

Гласные эмблемы в саморепрезентации Тевтонского ордена в Пруссии

Таксономия, упорядочивание, чувство места, осознание принадлежности к группе и внутренние процессы иерархизации приобретают в средневековом социуме с XII в. особую важность. Сфрагистика отражает эти тенденции во всей полноте.

Покорение Тевтонским орденом языческих земель Пруссии было, в том числе, частью процесса христианизации пространства, его морально-религиозной трансформации, а строительство замков и городов, символизировавших новый порядок, противоположный прежнему хаосу, воспринималось в качестве религиозного акта (*Dygo M. Studia nad początkami władztwa zakonu niemieckiego w Prusach (1226–1259)*. Warszawa, 1992. S. 332). Иконография печатей создаваемых должностей выражала сакрализацию ландшафта на эмблематическом уровне, не регламентировавшемся корпоративными Статутами.

Для выделенных в соответствии со «смысловым» подходом Т. Дидериха (*Diederich T. Prolegomena zu einer neuen Siegel-Typologie // Archiv für Diplomatik*. 1983. Bd. 29. S. 242–284) типов

орденских печатей наиболее характерны агиологические (*historia, imago*), эмблематические (в том числе гербы), гласные образы. Схожую картину демонстрирует городская сфрагистика Пруссии (*Hlebiónek M. Miasto na pieczęci. Wokół wizualności pieczęci miejskich z terenu Prus // Zapiski Historyczne. 2019. T. 84. Z. 1. S. 85–121*). Анализ сфрагистической репрезентации иных социальных акторов региона (знати, горожан и др.) пока не проводился.

«Гласные» эмблемы, характерные среди всех регионов орденской активности именно для Пруссии, образуют, наряду с образами святых, старейший тип памятников сфрагистики. Это печати комтуров и хаускомтуров Христбурга (1250 г.), Кёнигсберга (1262 г.), Зантира (? , 1273 г.), Торна (? , 1296 г.), Бальги (?), Энгельсбурга (1330 г.), Мёве (1330 г.), Биргелая (? , 1339 г.), Голлуба (1397 г.), Редина (XIV в.), фогтов Диршау (1323 г.) и др. Речь идет о миметических образах, представляющих иконографическую обработку названия административной единицы с использованием омофонии, фонетического отождествления названий изобразительных элементов и топонимов, их визуальную кодификацию (фонетика и семантика, слово или чаще слог), игру.

Эта стратегия означивания относится к числу наиболее древних и распространенных механизмов эмблематизации в европейской культуре Высокого и особенно позднего Средневековья, «магии имени», говорящей в литературной и теологической традициях о сущности обозначаемого, и широко встречается, например, в Мекленбурге и Бранденбурге с 1230-х гг. Будучи равно характерной для знати и городов (*Bedos-Rezak B.M. Nom et non-sens. Le discours de l'image parlante sur les sceaux du Moyen Âge occidental (XIIe – XIIIe siècles) // Desir n'a repos. Hommage à Danielle Bohler / Éd. F. Bouchet, D. James-Raoul. Bordeaux, 2015. P. 189–204; P. 192*), гласная эмблематика, видимо, наиболее ярко отражает культурную роль регионов происхождения братии и влияния локальных традиций контактных зон славянских и немецкой культур. Эти образы практически полностью отсутствуют в иных владениях корпорации, прежде всего, в Священной Римской империи, где чаще приобретались территории с уже сформировавшимися культами (*Kahsnitz R. Siegel als Zeugnisse der Frömmigkeitsgeschichte // 800 Jahre Deutscher Orden / Hrsg. G. Bott, U. Arnold. Gütersloh; München, 1990. S. 368–405*); в Пруссии Орден выступал творцом властных структур. Среди иных возможных объяснений диспропорции отмечается отсутствие у Ордена собственных святых (*Rozynkowski W. Omnes Sancti et Sanctae Dei. Studium nad kultem świętych w diecezjach pruskich państwa zakonu krzyżackiego. Malbork, 2006. S. 201*).

Отнесение ряда эмблем к категории гласных имеет гипотетический характер. Основные проблемы в интерпретации, распознавании этого типа изображения вызваны региональной дифференциацией и эволюцией языка, диалектных и исчезнувших слов (*Pastoureaux M. Du nom à l'armoirie. Héraldique et anthroponymie médiévales // Genèse médiévale de l'anthroponymie modern. T. 4. Tours, 1997. P. 83–105; Schich W. Redende Siegel brandenburgischer und anderer deutscher Städte im 13. und 14. Jahrhundert // Die Bildlichkeit korporativer Siegel im Mittelalter: Kunstgeschichte und Geschichte im Gespräch / Hrsg. M. Späth. Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 113–130: S. 128*). Поиск возможных объяснений во внешних относительно памятников источниках, прежде всего, текстах, даёт скромные результаты. Хронист Пётр из Дусбурга пишет: *Ad Castrum Engelsbergk venerunt quidam religiosi viri, qui dum viderent statum et conversacionem fratrum ibidem, quesiverunt, quod esset nomen castri. Quibus cum diceretur, quod Engelsbergk i. e.g mons angelorum vocaretur, responderunt: vere nomen habet a re, quia habitantes in eo angelicam ducunt vitam (Petri de Dusburg Chronicon Terrae Prussiae / Hrsg. M. Toeppen // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. I. S. 3–219: S. 63)*.

В целом, гласные изображения составляют около 1/3 печатей Ордена в Пруссии времени ок. 1300 г., что примерно соответствует общим подсчетам, составляющим, например, для городов от 20 до 27% (*Savorelli A. Stemmi 'parlanti' nell'araldica civica medievale: una sintesi statistica internazionale // Archives héraldiques suisses. 2018. Vol. 132. P. 97–112*). В течение XIV в. их число неуклонно снижается, что идет вразрез с тенденциями иных регионов бытования гласных эмблем, где оно с этого времени повышается. Если в период создания орденских административных структур они репрезентировали важнейшие единицы наравне с другими образами, то к XV в. статус понижается.

Должностная саморепрезентация официалов Тевтонского ордена в прусских землях основывалась на разных началах, демонстрируя различные механизмы эмблематизации, в целом отличаясь от других баллеев. Главной особенностью системы, отличавшей ее от иных регионов, было наличие как сакральных образов, так и территориальной эмблематики, в частности, гербов.

Систематизация изображений печатей Ордена позволяет говорить об их не совсем обычном в ряду церковных институтов характере, почерпнутом из культурного фонда эпохи и предполагающем иерархическое соответствие социального положения стратегии визуализации, социальную типизацию. Универсализм орденской эмблематики был эффективным инструментом интегрирования корпорации в христианский мир, где схожесть была важнее отличий.

Следует отметить своеобразное «резервирование» образов Христа и Девы Марии высшими официалами, и преобладание «гласных» эмблем для иных уровней иерархии, не столь характерное для других орденских владений.

*С.И. Баранова, д.и.н.
проф. РГГУ, г.н.с. МГОМЗ*

Описи Коломенского дворца

Попытка систематического обзора описей, в которых отражено состояние знаменитого памятника второй половины XVII в. – деревянного дворца в летней резиденции московских великих князей и царей, селе Коломенское, построенного в 1667 г. и разобранного спустя 100 лет – предпринималась не так часто, как это можно было ожидать.

Единственным опытом остается посвященная истории дворца диссертация Д.И. Ачаркана 1918 г., машинописная копия которой хранится в собрании МГОМЗ (*«Ачаркан Д.И. Дворцовое село Коломенское: история его памятников зодчества по архивным данным [Рукопись]. М., 1918»*: Московский государственный объединенный музей-заповедник (МГОМЗ). Редкие рукописные и старопечатные книги. А-1596, К-13404). В ней приводятся тексты известных описей дворца и дается их анализ.

Эта группа источников использовалась весьма избирательно, главным образом, в известной публикации И.Е. Забелина (*Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005. С. 342–359*), с представленной частично описью «Росписного списка дворца села Коломенского» 1742 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 486. Л. 8–42 об.). Он считал ее поздней копией несохранившейся «Описи в Коломенском дворце государевым хоромам и прочему строению на 46 листах 7185 (1677) года» (*Забелин И.Е. Указ. соч. С. 342, 343*).

Совершенно невостребованными оказались описи Ивана Федоровича Мичурина (1703/1704 – после 1763), выдающегося зодчего первой половины – середины XVIII столетия (*Баранова С.И., Клименко С.В., Сабенина А.В. Архитектор Иван Федорович Мичурин: портрет на фоне...: буклет выставки. М., 2017. 63 с.*)

В первую очередь, это «Доношение архитектора Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре дворца в Коломенском с описанием «ветхостей», сметами расходов строительных материалов и ценами на них» от 25 мая 1740 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 58–69 об., копия на Л. 71–89 об.). Опись 1740 г.